

В.М. Сысоев

Маленькое царство
Повесть из сельской жизни

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Сысоев**
Маленькое царство: Повесть из сельской жизни / В.М. Сысоев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 49 с.

ISBN 978-5-458-12250-4

ISBN 978-5-458-12250-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. М. СЫСОЕВЪ.

Петька, раздобывшійся уже гдѣ-то кускомъ хлѣба, во всѣ глаза смотрѣлъ на незнакомаго господина.

— Поздоровайся съ бариномъ-то! Чего ты, какъ пень, стоишь! — заворчала Дарья.

Петька отнялъ ото рта кулакъ съ кускомъ, почесалъ рукою затылокъ и не зная, какъ поздороваться съ бариномъ.

Викторъ Степановичъ подозвалъ его къ себѣ и поцѣловалъ.

— Будемъ друзьями, — потрепалъ онъ по плечу сконфузившагося паренька. — А вотъ тебѣ гостинчикъ для перваго знакомства.

Онъ досталъ изъ чемодана оставшуюся отъ дороги провизию и отдалъ ее Петѣ.

— Скажи спасибо-то! — опять заворчала Дарья.

— Я ужъ, Акимъ, у тебя переночую, — объявилъ сторожу Викторъ Степановичъ. — А завтра перейду въ домъ.

— Батюшка мой, Викторъ Степановичъ! Да вѣдь я уже докладывалъ вамъ не одинъ разъ, что домъ-то никуда не годится.

— Мнѣ одну какую-нибудь комнату. Неужели тамъ никакого уголка не найдется? Я вѣдь одинъ, не семейный человѣкъ.

— Не знаю ужъ, какъ и сказать, — покачалъ головою Акимъ, — больно старъ домъ-то: однѣ гнилушки.

Напившись чаю, Викторъ Степановичъ улегся на лавкѣ, подложивъ подъ себя пальто и укрывшись пледомъ.

Дарья задула лампочку и легла съ Петею на полу на пучкахъ соломы. Акимъ полѣзъ на палаты. Окна затворили, и въ избѣ стало жарко. За картинами около кіота съ образами шуршали тараканы. Раздавался храпъ моментально заснувшаго Акима. Какія-то насѣкомыя ползали по Виктору Степановичу и жестоко кусали. Заснуть онъ не могъ, и, накинувъ на плечи пальто, вышелъ въ сѣни.

Въ воздухѣ было сыро. Со двора несло запахомъ гнилой соломы и распускающейся черемухи. Въ клѣтушкахъ сопѣли и тяжело дышали пережевывавшія жвачку коровы. Подъ самой крышей, надъ головою Виктора Степановича, пѣтухъ захлопалъ крыльями и такъ оглушительно закричалъ свое «кукареку», что Викторъ Степановичъ вздрогнулъ. Въ отвѣтъ на этотъ крикъ по всей деревнѣ стали перекликаться остальные пѣтухи... Гдѣ-то курлыкали журавли...

«Начинается утро», подумалъ Викторъ Степановичъ, «а вмѣстѣ съ тѣмъ и утро моей новой жизни...»

Прохладная ночь освѣжила его, и онъ, вздрагивая отъ озноба, вернулся въ душную избу.

«Привычка», подумалъ онъ про покойно спящее семейство сторожа, и снова улегся на лавку къ клопамъ.

II.

Когда Викторъ Степановичъ раскрылъ сонные слипшіяся глаза, былъ уже день. Солнце стояло высоко надъ горизонтомъ, и яркіе, горячіе лучи врывались въ закрытыя окна избы, наполняя каждый уголокъ жизнерадостнымъ свѣтомъ. Тараканы уже не шуршали за картинами, клопы куда-то попрятались, но въ избѣ, было еще жарче и пахло сдобнымъ, горячимъ тѣстомъ.

«Проклятая городская привычка: вставать такъ поздно», подумалъ съ досадою Викторъ Степанычъ, «положимъ, я усталъ съ дороги и долго не засыпалъ; а все-таки въ деревнѣ надо вставать раньше и не пропускать лучшаго и важнѣйшаго времени дня».

Онъ обулся въ длинные охотничьи сапоги, надѣлъ вмѣсто жесткой крахмальной рубашки ситцевую, безъ галстука, и поспѣшилъ раскрыть окна.

Въ избѣ была только одна Дарья. Она молча, поклономъ, на ходу поздоровалась съ проснувшимся бариномъ и продолжала суетиться въ чуланѣ и выбѣгать безпрестанно въ сѣни, бросая то ухватъ, то кочергу. Въ печкѣ горѣли пучки хвороста и что-то, поджариваясь, шипѣло и трещало.

Викторъ Степанычъ закурилъ папироску и, подсѣвъ къ окну, сталъ смотрѣть на деревенскую улицу.

Противъ Акимовой избы на рябинѣ сидѣлъ желтоносый темнобронзовый скворецъ: онъ растопырилъ крылышки, клокоталъ горлышкомъ и надрывался своими пѣснями. Воробей, подхвативъ съ дороги клочекъ грязной ваты, полетѣлъ съ нею на крышу сарая. Подъ конькомъ крыши ворковали голуби. Куры копались лапками около заваленокъ и громко кудахтали. Съ расклеванными гребнями петухи гонялись другъ за другомъ и дрались. Мычалъ теленокъ, ставъ въ самой глупой позѣ среди улицы. Къ колодцу, съ огромнымъ колесомъ на столбахъ, прибѣжала баба съ ведрами... Ребятишки, въ однѣхъ рубашонкахъ, играли на лужайкѣ; къ нимъ привязалась маленькая собаченка и яростно лаяла. За длиннымъ рядомъ деревянныхъ, крытыхъ соломою, избъ виднѣлось зеленое озимое поле, а за полемъ, далеко-далеко, на самомъ краю горизонта, виднѣлся лѣсъ.

Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ на все это Викторъ Степановичъ; ему, какъ городскому жителю, вся эта обстановка, всякій предметъ сельской жизни были незнакомы и занимательны.

«Новая жизнь, совсѣмъ новая жизнь», думалъ онъ. И въ преддверіи этой начинающейся новой жизни передъ нимъ неволью промелькнуло прожитое: раннее полузабытое дѣтство въ усадьбѣ отца, въ сельцѣ Нагорномъ; ученье въ гимназій, смерть отца (матери онъ совсѣмъ не помнилъ), поступленія въ университетъ и выходъ изъ него вслѣдствіе болѣзни. «Ужъ очень я старался», думалъ Викторъ Степанычъ, «мне все хотѣлось быть непременно первымъ». Ему жаль было, что онъ не кончилъ университета. Потомъ вспомнилась служба. Деньги, вырученныя отъ продажи Нагорнаго, были прожиты еще при отцѣ. Доходъ же съ Веселокъ былъ небольшой. Большая часть земли была подъ лѣсомъ; хозяйство было заброшено; сдавались только покосы — и это былъ единственный доходъ съ Веселокъ. Имѣніе требовало охраны: приходилось платить жалованье Акимѣ и другимъ сторожамъ. И Викторъ Степанычъ придерживался службы, чтобы вести привычную жизнь съ достаткомъ. Конечно, онъ могъ продать часть земли или лѣсъ, но онъ не решался этого сдѣлать, и все откладывалъ продажу. Кромѣ того, не служить онъ не могъ и потому, что ему было скучно и совѣстно ничего не дѣлать. Онъ и въ деревню долго не рѣшался уѣхать потому, что воображалъ тамъ покой и полное бездѣйствіе, хотя Акимъ, привозившій къ нему въ Москву деньги да покосы, говорилъ не одинъ разъ: «Грѣхъ, сударь, запускать такую богатую вотчину! Надо къ ней руки приложить!» Но вотъ, посоветовавшись съ докторами, онъ рѣшился, наконецъ, уѣхать въ Веселки. Вспомнилъ также Викторъ Степанычъ, какъ во всю свою городскую жизнь онъ никогда не былъ доволенъ собою и часто скучалъ.

«Можетъ быть, найду новое счастье въ новой жизни», думалъ онъ, подставляя лицо подъ тепловатый, мягкій, словно бархатный, апрѣльскій вѣтерокъ, доносившій запахъ талой земли и молодой зелени.

На дворѣ Акимъ что-то дѣлалъ; слышно было, какъ онъ кричалъ на лошадь и стучалъ топоромъ.

Дарья накрыла столъ скатертью и положила передъ гостемъ цѣлую грудку ржаныхъ лепешекъ съ творогомъ, съ картофелемъ и пустыхъ. Потомъ принесла стаканъ и огромную кринку молока съ устоявшимися сливками.

— Закусите, батюшка-баринъ, чѣмъ Богъ послалъ! — предложила она Виктору Степановичу. — Такъ сливочки-то сливайте сверху, а снятое мы теленочку отдадимъ.

— А вы? И вы со мною...

— Мы ужъ позавтракали утресь... картошку горячую ѣли и чай пили. Мы вѣдь рано встаемъ: почитай, какъ скотину выгоняютъ... Сейчасъ вамъ самоваръ поставлю.

Отъ самовара Викторъ Степанычъ рѣшительно отказался.

— А Петя гдѣ? — спросилъ онъ.

— Охъ, ужъ и не говорите про него баринъ! — заворчала Дарья. — Какъ весна пришла, такъ эти ребятишки ополоумѣли совсѣмъ: палкою домой не загонишь... Придетъ, иной разъ весь въ грязи, одежонка такъ и горитъ на немъ, заплатъ не напасешься...

Викторъ Степанычъ налилъ стаканъ густыхъ сливокъ и съ удовольствіемъ принялся запивать ими жирныя, горячія лепешки, показавшіяся ему очень вкусными. Дарья принесла еще на сковородкѣ яичницу съ поджаренными кусочками ветчины.

Позавтракавъ, Викторъ Степанычъ досталъ изъ чемодана лѣтній картузь и вышелъ на дворъ, гдѣ Акимъ мастерилъ что-то около хлѣвушковъ.

Съ добрымъ утромъ, сударь! — поздоровался сторожъ, приподнимая шапку и стряхивая съ бороды приставшія щепки. — Прикажете лошадей? Лѣсъ осматривать будете?

— Нѣтъ, я прежде посмотрю домъ, — отвѣчалъ Викторъ Степанычъ. — Онъ вѣдь недалеко отъ деревни, кажется?

— Близехонько. Сейчасъ за задворками, вонъ, и паркъ начинается.

Викторъ Степанычъ сначала осмотрѣлъ хозяйство Акима. Мужикъ жилъ хотя и скупно, сѣро, но въ полномъ достаткѣ. У него было двѣ лошади, три коровы, нѣсколько овецъ; выкармливался поросенокъ. Была птица: штукъ двадцать куръ, двѣ утки и три индѣйки. Постройка вся крѣпкая; сѣнные сараи просторные, амбаръ только-что отстроены; большой огородъ обнесенъ крѣпкою изгородью. Во всемъ виденъ былъ заботливый и трудолюбивый хозяинъ.

Показавъ барину свое хозяйство, Акимъ повелъ его въ усадьбу Веселки. На улицѣ къ нимъ присоединился Петя. Пройдя деревню, они перешли по мостику небольшой ручеекъ.

— Вотъ эта теперь ваша земля пошла, — обратился къ Виктору Степанычу Акимъ; вотъ она граница, такъ и пойдемъ по живому урочищу.

Когда Викторъ Степанычъ въ первый разъ ступилъ ногою на свою землю, сердце его сильно забилось. Его охватило чувство человѣка, долго и безцѣльно скитавшагося по чужимъ странамъ и вернувагося, наконецъ, на родину, въ мирный уголокъ, въ материнскія объятія.

— А эта, Акимъ, тоже моя земля? — волнуясь, спросилъ онъ, указывая на обширный лугъ съ блестящимъ на немъ озеркомъ и на огромные лѣса за нимъ.

— Ваша, сударь, ваша! Теперь куда глазомъ ни кинете — все ваша пойдетъ... Вотчина обширная и земля хорошая.

Акимъ поковырялъ на лугу пальцемъ и подаль барину кусокъ почвы.

— Она хотя и не черноземъ, а суглинокъ, но жирная, плодородная и къ тому же отдохнувшая: сколько годовъ не пахана! — замѣтилъ онъ.

Викторъ Степанычъ растеръ на ладони землю и тоже похвалилъ. Онъ еще въ Москвѣ производилъ анализъ почвъ. Вообще, приготавливаясь хозяйничать, онъ усердно изучалъ земледѣліе теоретически и захватилъ съ собою въ Веселки много книгъ и брошюръ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства...

Въ голубомъ небѣ, кое-гдѣ прикрытомъ бѣлыми прозрачными облачками, распѣвали жаворонки; кругомъ журчали ручейки еще не успѣвшей сойти съ горъ снѣговой воды; на яркой молодой зелени луга мелькали желтые цвѣты цикорія; въ одномъ изъ овраговъ бѣлѣлся кусокъ уцѣлѣвшаго снѣга...

Виктору Степанычу, казалось, что и жаворонки, и ручейки, и цвѣты, и каждая травка, и кустикъ радуются вмѣстѣ съ нимъ и привѣтствуютъ его, какъ хозяина...

Пройдя лугъ, Акимъ съ Викторомъ Степанычемъ и Петею вступили въ аллею вѣкового липоваго парка, едва зеленѣвшаго распускающимися листочками. Въ концѣ этой длинной заросшей аллеи мелькнулъ силуэтъ большого деревяннаго дома.

III.

Отъ всего зданія вѣяло угрюмою старостью, тлѣніемъ, смертью...

Не пріятное, тяжелое чувство охватило Виктора Степаныча, когда онъ подошелъ къ веселковскому дому.

Слишкомъ ужъ уныло выглядывало ветхое зданіе. Тесовая крыша поросла мхомъ и мѣстами провалилась; нѣкоторые тесницы сползли и нависли надъ карнизомъ; ихъ качаль вѣтеръ, и онѣ скрипѣли, каждую минуту готовыя рухнуть внизъ. Въ заколоченныхъ досками окнахъ виднѣлись поломанныя рамы съ разбитыми и выпавшими стеклами. Деревянныя колонны на переднемъ фасадѣ покачнулись; штукатурка съ нихъ обвалилась и

лежала кучами у подножій... Отъ всего зданія вѣяло угрюмою старостью, тлѣніемъ, смертью...

— Однѣ развалины, — прошепталъ Викторъ Степанычъ.

— А когда онъ, сударь, построенъ-то? — сказалъ Акимъ. — Никто и не запомнить. Годовъ ужъ десять, какъ заколоченный стоитъ. Спервоначалу вашъ папенька, какъ Веселки купилъ, его подъ дачу отдавалъ, а потомъ приказалъ запереть и никого не пускать, чтобы грѣха не случилось: не придавилъ бы кого...

— Мнѣ бы хотѣлось войти въ него и посмотрѣть внутри, — объявилъ Викторъ Степановичъ, — но черезъ какую дверь!

— Пожалуйте черезъ балконъ, — предложилъ Акимъ.

Балконное крыльцо было такое гнилое, что пришлось не итти по немъ, а карабкаться на колѣняхъ, минуя провалившіяся ступеньки. Дверь отворить не представлялось возможности: она разбухла, и осѣвшимися верхнимъ косякомъ ее вдавило въ порогъ. Акимъ вынулъ изъ-за пояса топоръ и попробовалъ отворить имъ, но ничего не могъ сдѣлать.

— Выбей нижнюю доску! — приказалъ Викторъ Степановичъ.

Доску въ двери выбили. Въ образовавшуюся дыру можно было пролѣзть человѣку. Первымъ влѣзъ Викторъ Степановичъ, за нимъ Акимъ и послѣднимъ Петя. Мальчикъ очень трусиль, а когда очутился въ домѣ, его стала бить лихорадка.

— Чего ты, Петя, испугался? что съ тобою? — спросилъ Викторъ Степановичъ.

— Страшно, дяденька!

— Что же ты боишься? Раздавить, думаешь, домъ упадетъ?

— Нѣтъ... отчего ему упасть...

— Такъ чего же?

— У насъ на деревнѣ всѣ говорятъ, что тутъ черти живутъ.

Викторъ Степановичъ разсмѣялся.

— У, дуракъ, право, дуракъ! — разсердился на сына Акимъ. — Мало ли чего народъ съ глупа болтаеть. Если боишься — вылѣзай вонъ!

Но любопытство у мальчика пересилило страхъ, и онъ остался.

Они стояли въ высокой, въ два свѣта залѣ, съ хорами на одной сторонѣ, гдѣ, вѣроятно, во время торжественныхъ обѣдовъ и баловъ играла музыка. Теперь тамъ сидѣли на перилахъ ласточки и лѣпили изъ грязи гнѣздо. Увидавъ вошедшихъ людей, онѣ принялись кружиться подъ потолкомъ и затѣмъ вылетѣли въ верхнее окно. Паркетный полъ покоробился; мѣстами на немъ стояли лужи натекшей черезъ худую крышу воды: одинъ уголь пола такъ перегнилъ, что на немъ выросла тощая трава. Зала была пуста, безъ всякой мебели.

Осторожно ступая по отклеившимся дубовымъ дощечкамъ, компанія прослѣдовала въ слѣдующую комнату — гостиную. Тутъ стоялъ скелетъ ободраннаго дивана. Затѣмъ обошли столовую, угловую гостиную, бильярдную, кабинеты и спальни. Мебели, если не считать кое-какихъ обломковъ отъ стульевъ и столовъ, тоже никакой нигдѣ не было.

Обои сползли со стѣнъ и гнили на полу. Всюду по угламъ масса паутины; пахло плѣсенью и гнилью.

— Теперь пойдете наверхъ, — сказалъ Викторъ Степановичъ.

Акимъ замаялся.

— Ты что-жь? тоже боишься? — пошутилъ Викторъ Степановичъ.

— Не боюсь, а только что тамъ и дачники никогда не жили.

— Ну, такъ что-жь?

— Дверь заперта, и ключа отъ нея нѣтъ.

— Попробуемъ сломать...

И эту дверь Акимъ выломалъ съ помощью топора.

Петя едва осилилъ свою робость, чтобы подняться на верхъ. Онъ почему-то вообразилъ, что именно на верху-то и живутъ черти.

Лѣстница на верхъ была прочная, хорошо сохранившаяся. Видно, что на нее не попадало сырости. Верхнія комнаты небольшія и меблированныя. Суда по обстановкѣ, онѣ предназначались для дѣтскихъ и помѣщений для учителей и нянекъ. Особенный интересъ представляла одна комната, въ которой были сложены мягкая мебель и матрацы.

Это было царство мышей. Заслышавъ людей, мыши цѣлыми десятками забѣгали по комнатѣ и начали прятаться. Диваны, кресла и матрацы были совершенно изъѣдены ими. Цѣлые вороха мочала, ваты и конскихъ волосъ валялись на полу. Всюду виднѣлись клубкообразныя мышинныя гнѣзда, въ которыхъ пищали мышата.

— Ишь, сколько ихъ развелось! — произнесъ Акимъ.

Пожалуй, еще интереснѣе былъ одинъ темный чуланъ, гдѣ тоже обитали мыши, но только летучія. Когда Викторъ Степанычъ, зажегши спичку, заглянулъ въ этотъ чуланъ, глазамъ его представилась любопытная картина. Всѣ прибитыя въ чуланѣ вѣшалки и полки были унижены летучими мышами, висѣвшими внизъ головами, придерживаясь за гвоздики и края досокъ когтями заднихъ лапъ. Нѣкоторыя мыши, испуганные свѣтомъ, стали носиться по чулану и налетать на Виктора Степаныча. Онъ съ брезгливымъ чувствомъ поспѣшилъ затворить дверь чулана.

— Вотъ, Петя, какіе черти-домовики здѣсь живутъ, — улыбнулся онъ мальчику, тоже заглядывавшему въ тотъ чуланъ.

Въ одной комнатѣ Викторъ Степановичъ увидаль большой стеклянный шкафъ съ книгами. Это была цѣлая домашняя библіотека. Викторъ Степановичъ обрадовался, но, когда онъ отворилъ шкафъ и сталъ брать книги, то онѣ рассыпались въ рукахъ: до того онѣ были изъѣдены мышами и червяками.

За-то Петя былъ счастливѣе. Онъ нашель въ углу одной изъ дѣтскихъ цѣлыхъ ящикъ игрушекъ. Большая часть изъ нихъ были металлическія. Тутъ были поломанныя, исковерканныя куклы, лошадки, посуда, волчки. У мальчика и глаза разбѣжались.

— Можно взять, дяденька? — робко спросилъ онъ Виктора Степаныча.

— Бери, бери, хоть весь ящикъ! Я въ игрушки не играю, мнѣ не надо, — отвѣчала Викторъ Степанычъ.

Петя сталъ набирать себѣ игрушки. Онъ положилъ ихъ себѣ за пазуху, въ карманъ, въ картузь и навалилъ въ подолъ. Но ему казалось все мало, и онъ придумываль, какъ бы еще захватить.

— Будеть, не жадничай, а то и эти растеряешь! — крикнулъ на сына Акимъ.

И, дѣйствительно, едва Петя тронулся съ мѣста, какъ изъ пазухи вывалился солдатикъ; мальчикъ хотѣлъ придержать его — и выронилъ изъ подола мѣдную трубу.

— Не завидуй, — смѣялся Акимъ... Окончивъ осмотръ комнатъ, наглотавшись пыли и нанюхавшись гнили, Викторъ Степанычъ вышелъ изъ мрачнаго дома и радостно вдохнулъ полную грудью чистый воздухъ.

— Да, тутъ жить нельзя, — сказалъ онъ.

— Помилуйте, — подтвердилъ Акимъ, — какъ жить, когда не сегодня-завтра онъ вовсе завалится можетъ.

— Надо сломать его поскорѣе, — рѣшилъ Викторъ Степанычъ.

Подъ крыльцомъ нашли желѣзную дощечку, на которой сохранилась надпись: «Сельцо Веселка помѣщика Степана Павловича Кромина». Викторъ Степанычъ вспомнилъ, какъ эту дощечку заказывалъ отецъ въ Москвѣ маляру.

— На столбѣ была прибита у воротъ прешпекта, — замѣтилъ Акимъ.

Остальныя постройки въ имѣніи: сараи, скотный дворъ съ конюшнями, погребъ, рига и пр. представляли собою также однѣ жалкія развалины. Отъ изгородей нигдѣ и слѣда не осталось. На огородѣ виднѣлась только высокая прошлагодняя сорная трава. На поляхъ уже пошла лѣсная поросль. Великолѣпный большой прудъ заплылъ иломъ и заросъ осокою. На мѣстѣ фруктоваго сада кое-гдѣ торчали жалкія полусухія яблони...

Забывтое, заброшенное имѣніе было запущено до крайности.

Виктору Степанычу непріятно было смотрѣть на все это, и онъ поспѣшилъ закончить обходъ усадьбы.

Изъ всѣхъ строеній лучше другихъ сохранился одинъ флигелекъ близъ дома. Въ немъ были двѣ комнаты и кухня съ русскою печью. Вотъ въ этомъ флигелькѣ Викторъ Степанычъ и рѣшилъ временно поселиться.

Акимъ протестовалъ.

— Помилуйте, сударь! — говорилъ онъ. — Печку топить нельзя: худая... холодно будетъ... Чего же лучше у меня? Живите, сколько вашей душѣ угодно... пока не постройтесь. По крайности тепло.

Акимъ не зналъ, что Викторъ Степанычъ отъ этого «тепла» и убѣгалъ. Кромѣ того, здѣсь было ближе къ «дѣлу».

— Ничего, — говорилъ Викторъ Степанычъ, — печку поправимъ. А для компаніи, чтобы веселѣе было, я Петю возьму себѣ въ камеръ-пажи... Пойдешь ко мнѣ, Петя? Мы съ тобою еще гдѣ-нибудь игрушекъ раскопаемъ, кладъ найдемъ... а? Пойдешь, если отецъ пустить?

— Пойду, — проговорилъ рѣшительно Петя.

Время было обѣдать, и компанія вернулась въ деревню, гдѣ жилъ Акимъ.

IV.

Послѣ обѣда Викторъ Степанычъ рассчитывалъ было ѣхать осматривать лѣсъ и дальніе луга, но Акимъ отговорилъ.

— Поздно, сударь, не успѣете! Вѣдь болѣе двухъ тысячъ десятинъ!.. развѣ скоро объѣдешь?

Къ вечеру привезли со станціи багажъ Кромина: сундуки съ платьемъ, книгами, бѣльемъ и проч., матрацъ, желѣзную кровать и другіе необходимые предметы. Все это пришлось пока оставить въ запакованномъ видѣ въ сѣняхъ Акимовой избы.

Викторъ Степанычъ отыскалъ въ деревнѣ печника и послалъ его поправить печку во флигелькѣ. Онъ торопился перебраться поскорѣе на новое место. По рекомендаціи Дарьи, Кроминъ нанялъ себѣ кухарку, старуху-бобылку Анисью.

На другой день онъ всталъ рано. Дарья успѣла ужъ истопить печку. Около избы были привязаны приготовленныя лошади, онѣ были маленькія деревенскія, рабочія, но сытыя и веселыя. На одной изъ нихъ лежало старое казацкое сѣдло, гдѣ-то раздобытое Акимомъ для барина. Для себя же сторожъ подвязалъ на спину лошади просто армякъ.

— Какія у тебя славныя лошадки, Акимъ! — замѣтилъ Кроминъ, заглядывая въ окно.

— Кормлю, соблюдаю, сударь!..

Послѣ завтрака они поѣхали. На концѣ деревни ихъ поджидалъ, тоже верхомъ, другой сторожъ Кромина, помощникъ Акима, молодой коренастый парень Павелъ.

Всѣхъ сторожей у Виктора Степаныча было трое. Акимъ съ Павломъ жили въ Талаевѣ и караулили ближайшіе къ деревнѣ участки. Третій же сторожъ, старикъ Трофимъ, жилъ въ особой лѣсной сторожкѣ, выстроенной на дальнемъ участкѣ лѣса.

Кроминь съ Акимомъ и Павломъ рысцею направились въ Веселки. Проѣхавъ усадьбу и обширныя поля, превратившіяся въ луговины, вступили въ лѣсъ. Мѣстами ѣхали по лѣснымъ дорожкамъ, мѣстами лавировали по прогалинамъ и оврагамъ. Сначала шли молодья, густыя заросли лиственныхъ породъ, а потомъ начался старый строевой лѣсъ.

Воровскія порубки встрѣчались, но ихъ было такъ мало для такого большого пространства, что Викторъ Степанычъ похвалилъ сторожей.

— Гдѣ же рѣка Холодянка? — спросилъ онъ Акима. — На планѣ она показана недалеко отъ усадьбы.

— Теперъ близко, — отвѣчалъ Акимъ, круто заворачивая свою лошадь въ бокъ.

— Ты куда? — спросилъ Викторъ Степанычъ.

— Хочу вамъ, сударь, показать Высокій Курганъ. Ужъ больно хороши виды оттуда. Иной разъ сосѣдніе господа нарочно пріѣзжаютъ на него, чтобы только полюбоваться, значить.

— Поѣдемте! Маршь-маршь! — весело вскричалъ Кроминь.

Онъ нахлесталъ поводомъ уздечки лошаденку и поскакалъ впереди всѣхъ по дорожкѣ, круто поднимающейся въ гору. Здѣсь лѣсъ прекращался, и начиналась бесплодная песчаная почва, усѣянная камнями. Трава была тощая; среди лишайниковъ и мха пестрѣли розовыя иммортели; кое-гдѣ торчали кусты можжевельника. Изъ-подъ одного куста выскочилъ заяцъ-русакъ и стрѣлою понесся подъ гору.

— Вотъ, сударь, гдѣ громаднѣйшій капиталъ зарытъ! — указалъ Акимъ подъ-ноги.

— Какой капиталъ? — не сообразилъ Кроминь.

— А камень-то? Вѣдь его тутъ до пропасти... Когда Викторъ Степанычъ осматривалъ запущенныя поля и разрушенную усадьбу, онъ видѣлъ пока въ нихъ одни расходы. И только, попавъ въ лѣсъ, онъ увидалъ себя обладателемъ извѣстныхъ средствъ. Этотъ лѣсъ представлялся ему единственнымъ главнымъ богатствомъ имѣнія. А тутъ открылось еще какое-то новое, неожиданное богатство — камень... А тамъ еще что-нибудь откроется... Ему становилось все веселѣе. «Зачѣмъ я раньше не пріѣзжалъ въ деревню?» — жалѣлъ онъ.

Съ вершины Высокаго Кургана видъ былъ, дѣйствительно, роскошный. Глазамъ открывалась огромная площадь. Бурыми и свѣтло-зелеными пятнами рисовалось чернолѣсье, темными

Съ Высокаго Кургана видъ былъ дѣйствительно роскошный.

островами выдѣлялся красный лѣсъ; среди нихъ сквозили луговины, покрытыя яркою зеленью молодой травы. Видна была усадьба Веселки съ ея потемнѣвшими постройками. Съ одной стороны горизонта, гдѣ кончался лѣсъ, можно было рассмотреть Талаево и блестящее близъ него на лугу озеро. Подъ горою бѣжала рѣка. Окруживъ половину Высокаго Кургана и сорвавшись въ одномъ мѣстѣ русла шумнымъ водопадомъ, она красивыми зигзагами терялась дальше въ безконечныхъ лѣсахъ...

Большую часть видимаго пространства составляли двѣ тысячи десятинъ земли, принадлежавшей Веселкамъ.

Кроминь сдержалъ на верху горы лошадь и остановился, смотря кругомъ какъ очарованный. Онъ былъ очень возбужденъ. «Эти лѣса, луга, озера, усадьба, рѣка — все это мое», — думалъ онъ. — «Я властелинъ надъ всѣмъ этимъ... Это мое маленькое царство... Царство заброшенное, разоренное, и я пришелъ его устроить, «приложить къ нему руки», какъ говоритъ — Акимъ»!

Но это радостное и горделивое чувство въ Викторе Степанычѣ смѣнилось вдругъ неприятною думой. Онъ вспомнилъ сказку Толстого о жадномъ мужикѣ и сравнивалъ себя

съ этимъ мужикомъ. Мужикъ тоже, какъ и онъ, цѣлый день обходилъ свои новыя владѣнія, но умеръ, не успѣвъ даже обойти всего, что ему принадлежало. И понадобилось мужику всего только три аршина земли для могилы... Жадный мужикъ, желая забрать за малую плату у глупыхъ башкиръ большое количество прекрасной земли, былъ наказанъ за свою жадность и обманъ... Кромина наказывать не за что: онъ не жадничалъ и никого не обманывалъ. Но Виктору Степанычу стыдно стало за свои восторги, что у него такъ много земли, лѣсу, камня... Надо работать, трудиться... Тутъ онъ вспомнилъ о печникѣ и кухаркѣ Анисьѣ. Вотъ и этимъ бѣднякамъ нашлась работа... Дѣло начато совсѣмъ не зломъ. И ему стало легче при этомъ воспоминаніи.

Трофимъ надѣлъ шапку и еще больше испугался.

Долго стоялъ, задумавшись, на одномъ мѣстѣ Кроминь, любясь чуднымъ видомъ съ Кургана.

Акимъ подѣхалъ къ барину и сталъ объяснять ему: Вонъ за тѣмъ оврагомъ пустышь Волчково, а правѣе черезъ лугъ пойдетъ Шумилиха. Тѣ мелоча — Веселковская Порубка, а за рѣкою, стало-быть, Щелкуниха и Прохоровское болото. Тамъ ужъ не наши съ Павломъ участки, а Трофимовы... А гдѣ церковь — село Знаменское. Тамъ пойдетъ вотчина князя Вельковскаго.

— По твоимъ записнымъ книжкамъ, Акимъ, я только и зналъ эти пустоши, — улыбнулся онъ сторожу.

Отдохнувши на Высокомъ Курганѣ, Кроминь и его спутники спустились съ горы, переѣхали рѣку вбродъ и скоро очутились возлѣ лѣсной сторожки.

Трофимъ сидѣлъ на завалинкѣ и чистилъ ружье. Барина онъ встрѣтилъ низкимъ по клономъ. Узнавъ, что это его хозяинъ, онъ пугливо, точно виноватый, снялъ надѣтую было, шапку.